

Хранители: Глаз Вечности

Артём Никифоров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Никифоров

Хранители: Глаз Вечности

«Автор»

2026

Никифоров А.

Хранители: Глаз Вечности / А. Никифоров — «Автор», 2026

Артём просто хотел картошки. Вместо этого он упал с неба в мир, где пчёлы носят пальто, а глаза на стенах следят за каждым. Здесь есть Хранители — сущности, которых видят только избранные. У Артёма нет Хранителя. Он — пустой. И это делает его опасным. Знакомство с Квином, Визером, Табсаном и Вовой переворачивает его жизнь. У них есть несколько дней, чтобы понять этот мир. И выжить. Но правитель уже знает о нём. И у него есть план. В этом плане Артём — главная деталь. Добро пожаловать в мир, где правда сильнее лжи.

© Никифоров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Человек с неба	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Артём Никифоров

Хранители: Глаз Вечности

От автора

Это новая история. Идею для неё дали друзья — спасибо им. Я просто взял и написал.

Здесь есть странный мир, который кажется обычным для одних и безумным для других. Есть люди, которые видят больше, чем остальные. И есть тот, кто упал туда, куда не планировал.

Герой этой истории — обычный парень, который просто хотел картошки. Вместо этого он получил приключение, о котором не просил. Но, как это часто бывает, именно такие приключения и оказываются самыми важными.

Здесь смешно, страшно, иногда грустно — и всегда по-настоящему. Я старался, чтобы персонажи оставались живыми. Даже когда вокруг творится полный абсурд. Особенно когда вокруг творится полный абсурд.

Приятного чтения.

Глава 1. Человек с неба

Артём стоял в очереди.

Очередь была длинной. Очень длинной. Примерно на полжизни. Пахло маслом, солью и чьим-то одеколоном — тяжёлым, как дубина. Впереди женщина в фиолетовой куртке спорила с кассиром из-за лишнего пакетика соуса.

— Вы мне положили два, а я просила один, — говорила она тоном человека, который эту войну не проиграет.

Кассир смотрел сквозь неё. Артём — тоже.

День был обычный. До ужаса. Солнце висело ровно, без энтузиазма. Артём поправил очки. Каштановые кудри торчали в разные стороны — он забыл расчесаться утром. Болотно-зелёная кофта была слегка велика, чёрно-белые кроссовки — старые, но удобные. На сумке болтался брелок — резиновая утка с безумным взглядом. Клюв жёлтый, зрачки — точки. Подарок друга. На удачу.

Очередь не двигалась.

Артём переступил с ноги на ногу. Вспомнил, что не позавтракал. В животе было пусто и тихо. Он смотрел на меню над кассой: бургеры, крылышки, картошка. Картошка — отдельно, в бумажном пакете, горячая, с солью. Ради неё он сюда и пришёл.

Женщина в фиолетовой куртке наконец победила. Пакетик соуса был изъят. Она отошла с подносом, победно цокая каблуками. Очередь дёрнулась на полшага.

Артём вздохнул и посмотрел в окно.

Тумана не было.

А потом он был.

Серый. Густой. Он не наплывал — он случился. Сразу. Везде. Как будто кто-то выключил мир и забыл включить обратно.

— Какого?.. — начал Артём.

И пол ушёл из-под ног.

Он падал. Сквозь туман. Ветер бил в лицо, но без звука. Без свиста. Только глухая тишина и серое. Плотное, как вата. Артём попытался закричать — не вышло. Попытался схватиться за что-нибудь — не за что.

Падение длилось долго. Или нет? Время свернулось в комок. Он перестал понимать, где верх, где низ. Только серый цвет. Только пустота.

«Я ведь только за картошкой стоял», — подумал Артём.

Мысль была глупая. Но другой не нашлось.

Асфальт пришёл мягко.

Не удар. Не боль. Просто — стоп. Как будто кто-то поймал за секунду до и аккуратно положил на землю. Артём лежал на спине и смотрел в небо.

Небо было не его.

Слишком светлое. Слишком чистое. Где-то высоко плыли голографические буквы — медленно, лениво, складываясь в слова на незнакомом языке. Потом рассыпались и собирались снова.

Артём сел.

Город вокруг был чужим. Совсем. Не «другой район», не «соседний город». Вообще другой. Здания — выше, чем должны быть, с плавными углами. Окна меняли оттенок: с прозрачного на золотистый, с золотистого на голубой. Над дорогой висели указатели из света — горели ровным зелёным, не мигая. Транспорта было мало, и он не рычал — гудел низко, утробно, как большой кот. Воздух пах сладким и металлическим. Как леденец, который лизнули, а потом убрали в жестяную банку.

Артём снял очки. Протёр. Надел. Ничего не изменилось.

Он сидел на тротуаре. Тротуар был чистый, серый, с вкраплениями мелких блестящих камешков. Они мерцали под солнцем, как соль. Артём потрогал асфальт. Тёплый. Настоящий.

— Я упал с неба, — сказал он вслух. — Я упал с неба на асфальт. И жив.

Голос звучал спокойно. Слишком спокойно. Внутри всё сжалось в тугой узел, но наружу не лезло. Артём решил, что паника — это потом. Когда поймёт, из-за чего паниковать.

Он проверил сумку. Молния цела. Утка болталась на ремешке, глядела своими точками-зрачками. Внутри — кошелёк, ключи, телефон. Телефон не ловил. Вообще. Ни одной полоски. Экран показывал время: 14:07. Время его мира. Здесь, наверное, другое.

Мимо прошёл человек.

Обычный. Две руки, две ноги, серый плащ. Потом — женщина. Тоже обычная. Потом — кто-то с кошачьими ушами. Настоящими. Они дёрнулись, когда она обернулась на витрину. Артём моргнул. Женщина с ушами пошла дальше, поправляя сумку. Никто не оборачивался. Никто не пялился.

Потом прошёл кто-то с сероватой кожей и слишком длинными пальцами. Артём проследил взглядом.

Потом — ещё один. С усиками. Пчелиными. Чёрные, короткие, на макушке. Лицо человеческое, но кожа желтоватая, с тёмными полосками. Одет в пальто. Шёл быстро, куда-то по делам.

Артём выдохнул.

— Пчела в пальто, — сказал он. — Ладно.

Он не закричал. Не вскочил. Просто отметил факт и отложил в сторону. На потом.

Он продолжал сидеть. Солнце грело макушку. Голограммы над головой складывались в новые слова и рассыпались. Транспорт гудел. Город жил своей жизнью — громкой, но ровной, как пульс.

Артём понял, что пялится на стену напротив. Стена была синяя. На ней — рисунок: огромный глаз, внутри которого летели рыбы. Рыбы были жёлтые и красные. Глаз смотрел прямо на Артёма. Или сквозь. Не разобрать.

— Ты упал, — раздалось сбоку.

Голос был мягкий. Спокойный. С любопытством.

Артём повернулся.

Рядом стоял парень. Рост — чуть ниже самого Артёма. Шёлковые волосы нежно-розового цвета. Ровная чёлка полностью закрывала глаза. Как он вообще видит? Сзади — длинный хвост до лопаток. Кожа бледная, почти светящаяся. На голове — пластиковый красный самурайский шлем с чёрными границами и золотистым полумесяцем над козырьком. Шлем держался на чёрной резинке. Одет в толстую кофту красно-молочного цвета — как американская футбольная форма, только без деталей, просто монотонные блоки. Под кофтой — белая футболка с красным демоном-тэнгу. Широкие чёрные джинсы, золотистые пляжные тапочки поверх белых носков. Стоял, чуть наклонив голову, и улыбался уголком губ.

Артём не заметил, как он подошёл. Совсем.

— Ты упал с неба, — повторил парень. — Я видел. Краем глаза. Ты красиво падал. Медленно. Как лист.

— Чего? — сказал Артём.

— Ты упал с неба. Обычно так не делают.

Парень говорил без насмешки. Скорее — с интересом исследователя, который нашёл новый вид жука. Артём потёр переносицу под очками.

— Я не лист. Я Артём.

— Ар-тём, — по слогам повторил парень. — Красиво. У нас таких имён нет. Я Квин.

— Квин?

— Да. Как монета. Только не монета.

Квин присел рядом. Не на корточки — именно сел, скрестив ноги, будто они на пикнике. Носки золотистых тапочек смотрелись ярко на сером тротуаре. Он был ниже Артёма, но сидел прямо, с интересом повернув голову. Чёлка колыхнулась, но глаз не показала.

— Ты странный, — сказал Квин. — Но не плохо странный. Просто странный. Одежда другая. Очки. И упал.

— А у вас тут что, люди с неба не падают?

— Неа. Обычно дождь. Или голуби. Голуби иногда падают, но редко. Или почта. Но почта с неба не падает, она по земле ходит.

— Почта ходит? — переспросил Артём.

— Ну да. Сумки с письмами. Высокие. В синем. Ты разве не видел?

Артём помотал головой.

— У нас почта не ходит. У нас почту привозят.

— Привозят? — Квин наклонил голову. — На чём?

— На машинах.

— Машины ездят сами? Без водителей?

— Ну... с водителями, — сказал Артём. — Обычно с водителями.

— Странно, — сказал Квин. — У нас машины без водителей. Они сами. Но почту всё равно носят люди. Для традиции.

Артём открыл рот. Закрыл.

— Слушай, Квин. Я не местный. Я вообще не из этого... мира. Там, — он махнул рукой в небо, — нет голограмм. И кошек с человеческими лицами. И пчёл.

— Пчёл?

— Ну, люди с усиками. Я видел. Жёлтые такие. В пальто.

— А, это нормально. Тут много таких. Визер, например. Он вообще пчела. Мы дружим.

— У вас тут пчела в пальто — это «дружим»?

— Ага. А что, у вас нет?

— У нас пчёлы маленькие. И жужжат.

— Визер тоже жужжит, — кивнул Квин. — Особенно когда злится. Или когда ест. Или когда думает. Короче, часто.

— Часто?

— Почти всегда. Но он хороший. Просто громкий.

Артём лёг обратно на асфальт. Уставился в небо. Голограммы плыли, складываясь в новые слова. Он ничего не понимал. Вообще.

— У тебя там всё хорошо? — спросил Квин сверху.

— Я пытаюсь осознать.

— Это долго?

— Наверное.

— Я подожду.

Квин замолчал. Артём лежал, смотрел в небо и считал голограммы. Одна, две, три. Все на незнакомом языке. Иероглифы, или буквы, или просто узоры. Он перестал пытаться читать.

— А у нас дождь бывает, — сказал Квин через минуту. — Это когда вода с неба. Много воды. Там, откуда ты, есть дождь?

— Есть.

— О! — обрадовался Квин. — Значит, у вас хоть что-то правильно.

— Правильно?

— Ну да. Дождь — это правильно. Он нужен. Растениям. И крышам. И настроению.

— А какое настроение у дождя?

— Грустное, — сказал Квин. — Но чистое. После дождя всё пахнет по-другому.

Артём почти улыбнулся.

Он сел обратно. Огляделся. Город всё так же жил своей жизнью. Люди шли. Гуманоиды шли. Никто не обращал внимания на парня в болотной кофте и парня в самурайском шлеме, сидящих на тротуаре.

— Слушай, мне надо как-то понять, что происходит, — сказал Артём.

— А что происходит? — спросил Квин.

— Я упал с неба. Я в другом мире. Я не знаю, где я. Я даже не знаю, как тут говорят.

— Ты говоришь нормально.

— Я говорю так же, как ты. А должен говорить на другом языке. Это странно.

Квин задумался. Серьёзно. Как над математической задачей.

— Значит, ты говоришь на нашем языке, — сказал он наконец. — Это хорошо. Было бы хуже, если бы ты говорил непонятно.

— Это не объясняет, почему я здесь.

— А зачем объяснять? Ты здесь — и всё. Остальное потом.

Артём посмотрел на него. Квин сидел, обхватив колени руками. Шлем слегка съехал набок, но он не поправлял. Чёлка закрывала глаза. Носки были разного цвета — один жёлтый, один зелёный. Артём только сейчас заметил.

— Квин, — сказал он.

— М?

— Ты всегда так спокойно реагируешь на странные вещи?

— Ну да. А надо по-другому?

— Не знаю. Я бы, наверное, паниковал.

— Зачем? Паника не помогает. Визер так говорит. Он говорит, что когда паникуешь, жужжание сбивается. А когда жужжание сбивается, мысли путаются. И тогда можно наделать ошибок.

— Визер жужжит, когда думает?

— Да. Он вообще много жужжит. Но это нормально. Он пчела.

— Я понял, что он пчела, — сказал Артём. — Ты уже говорил.

— Просто повторяю. Для закрепления.

Артём вздохнул. Глубоко. Воздух всё ещё пах леденцом. В животе было пусто, но есть не хотелось. Хотелось понять.

— Мне надо домой, — сказал он.

— А где твой дом?

— В другом месте. Там нет голограмм. И пчёл. И стен с рыбами.

— С рыбами? — Квин повернулся к стене. — А, это. Там рыбы летают. Это красиво. Я иногда смотрю на них, когда жду кого-то.

— Ты ждёшь кого-то?

— Не знаю. Просто смотрю.

Артём замолчал. Он смотрел на Квина. На чёлку, которая прячет глаза. На тонкие руки, сжимающие колени. На носки разного цвета. Что-то щёлкнуло в голове. Не просто странный парень. Парень, который боится. Каждый день. Каждую минуту. А всё равно выходит из дома. Носит шлем, чтобы не видеть небо. Смотрит вниз, чтобы не видеть здания.

— Квин, — сказал Артём. — Почему у тебя шлем?

— Чтобы не видеть небо, — ответил Квин просто. — Оно большое.

— А чёлка?

— Чтобы не видеть здания. И людей. Я смотрю под ноги. Там всё маленькое. Камешки, трещины, носки. Носки — мои любимые.

— Ты боишься больших вещей?

— Да. Это мегалобия. Я так привык.

— Как ты живёшь с этим?

— Сложно, — сказал Квин. — Но Визер помогает. Он невысокий. И Табсан помогает. Он высокий, но он друг. Друзей я не боюсь.

— А меня?

Квин задумался.

— Ты тоже невысокий. И упал с неба. Тебя я тоже не боюсь. Ты — маленький.

— Спасибо, — сказал Артём.

— Пожалуйста.

Договорить он не успел.

— Квин.

Голос раздался откуда-то слева. Низкий. С лёгким жужжащим оттенком. Артём повернулся.

К ним шёл Визер.

Пчела. Самая настоящая. Рост — выше Артёма на полголовы. Тело жёлтое, с чёткими чёрными полосами. Пропорции человеческие: плечи широкие, осанка прямая. На голове — антенны, короткие, аккуратные. Глаза — чёрные, огромные, бездонные, с сиреневыми зрачками. Одет в бежевое пальто поверх кристально-белой рубашки. Чёрные брюки. Начищенные до блеска чёрные туфли. Пальто сидело идеально — ни складки, ни морщинки. Антенны слегка подрагивали.

Он шёл быстро. Целеустремлённо. Сиреневые зрачки были сужены. Смотрел он не на Артёма — на Квина.

— Ты гуляешь, — сказал Визер, остановившись в паре метров. — Без меня.

— Я не гуляю, — сказал Квин. — Я человека встретил. Он с неба упал.

Визер перевёл взгляд на Артёма. Медленно. Оценивающе. Артём физически ощутил, как его взвешивают, как проверяют на прочность. Сиреневые зрачки расширились, потом снова сузились.

— С неба, — повторил Визер.

— Да, — сказал Артём. — С неба. Упал. На асфальт. Жив.

— И что, ты теперь с ним сидишь? — спросил Визер у Квина.

— Ну да, — сказал Квин. — Ему плохо. Он упал.

— Мне норм, — сказал Артём.

— Тебе не норм, — возразил Квин. — Ты лежал. Долго. Я видел.

— Я просто отдыхал.

— Отдыхают на диване. Ты лежал на асфальте. Это не отдых.

Визер шагнул ближе. Запахло корицей — то ли от него, то ли от пекарни за углом. Антенны на голове дрогнули.

— Слушай сюда, человек с неба, — сказал он. — Я не знаю, кто ты. Не знаю, откуда ты. Но если ты что-то задумал — лучше сразу скажи. Я не люблю, когда кто-то подходит к Квину без моего ведома.

— Я ничего не задумал, — сказал Артём. — Я за картошкой стоял. В очереди. Потом туман. Потом упал. Вот и всё.

Пауза.

— Это шутка? — спросил Визер.

— Нет. Просто факт.

— Не смешно.

— Я не пытался шутить.

Визер наклонил голову. Антенны дрогнули снова. Он обошёл Артёма по кругу. Медленно. Как осматривают сомнительный товар. Артём стоял, стараясь не вертеть головой. Туфли Визера блестели на солнце. Пальто при каждом шаге шелестело, как сухая трава.

— Одежда чужая, — констатировал Визер. — Запах чужой. Энергии ноль. Хранитель... Он осёкся.

— Хранителя нет. Ты пустой.

— Мне уже говорили, — сказал Артём. — Точнее, я сам себе говорил. Просто «пустой» звучит обидно. Как будто я кто-то неполноценный.

— Мне всё равно, как это звучит, — отрезал Визер. — Факт есть факт. Ты пустой, ты чужой, и ты сидишь с Квином. Мне это не нравится.

— Визер, — тихо сказал Квин. — Он правда упал. Я видел. Краем глаза. Он падал медленно, как лист. Я никогда не видел, чтобы люди так падали. Он не врёт.

— Ты слишком доверчивый.

— А ты слишком ревнивый.

Визер замер. Сиреневые зрачки расширились. Жужжание в груди стало громче.

— Я не ревнивый. Я осторожный.

— Ты ревнивый, — повторил Квин. — Ты всегда такой, когда я с кем-то новым. Ты начинаешь жужжать громче и смотреть на них так, будто они что-то украли.

— Я просто забочусь.

— Ты быкуешь, — сказал Квин. — Визер, ты быкуешь. Прямо сейчас.

Визер открыл рот. Закрыл. Жужжание стало прерывистым. Потом стихло.

— Ладно, — сказал он сквозь зубы. — Допустим. Но пусть он сначала докажет, что не опасен.

— Как? — спросил Артём.

— Не знаю. Покажи что-нибудь. Что ты умеешь.

— Я ничего не умею, — сказал Артём. — Я обычный. Я учился в школе, потом в универе. Я умею читать, писать, считать. Я умею ждать в очереди. Я умею не паниковать, когда падаю с неба. Но это не навык. Это просто везение.

— Совсем ничего?

— У меня брелок-утка, — сказал Артём и показал на сумку.

Визер посмотрел на сумку. Утка болталась на ремешке, глядела в пространство своими точками-зрачками. Клюв жёлтый, немного облупленный.

— Это не впечатляет, — сказал Визер.

— Я знаю, — сказал Артём. — Она просто утка. Резиновая. Подарок друга. На удачу.

— На удачу?

— Ну да. Я всегда её ношу. И она всегда со мной. Даже когда я падаю с неба.

Визер посмотрел на утку. Потом на Артёма. Потом снова на утку.

— Она бесполезна, — сказал он.

— Согласен, — сказал Артём. — Но она моя.

Визер шагнул ещё ближе. Теперь он стоял прямо перед Артёмом. Смотрел сверху вниз. Жужжание в груди снова стало громче — ровное, низкое, почти угрожающее.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он. — Я думаю, ты врешь. Не бывает людей с неба. Не бывает пустых, которые просто так падают. Ты что-то скрываешь. Может, ты шпион. Может, ты коллекционер. Может, ты хочешь навредить Квину.

— Я ничего не скрываю, — сказал Артём. — Я сам ничего не понимаю. Я просто хочу понять, где я и как отсюда выбраться.

— Слишком просто.

— Иногда просто — это правда.

— Визер, хватит, — сказал Квин и встал. Он подошёл и встал между ними. Шлем съехал набок, но Квин не поправлял. — Ты его пугаешь.

— Я не пугаю. Я разбираюсь.

— Ты быкуешь, — сказал Квин. — Я же сказал. Ты быкуешь, и это некрасиво. Он упал с неба. Он потерян. Он не знает, где он. А ты стоишь и жужжишь на него.

— Я не жужжу на него. Я жужжу вообще.

— Ты жужжишь на него, — сказал Квин. — Я знаю, как ты жужжишь, когда злишься. Ты жужжишь именно так.

Визер открыл рот. Закрыл. Жужжание стихло. Он смотрел на Квина. Долго. Потом перевёл взгляд на Артёма.

— Ладно, — сказал он. — Я просто проверяю. Это моя работа.

— Твоя работа — охранять пекарню, — сказал Квин. — А не проверять каждого, кто со мной говорит.

Визер промолчал. Антенны дрогнули. Он сделал шаг назад. Пальто чуть распахнулось — под ним была идеально белая рубашка, ни складки.

— Я всё равно проверю, — сказал он. — Просто позже.

И в этот момент он протянул руку к Артёму. Не ударить — скорее схватить за плечо, развернуть, осмотреть получше. Движение было резким, без предупреждения.

Артём дёрнулся. Инстинктивно.

И мир вокруг изменился.

Воздух сгустился. Стал тяжёлым, как вода. Пространство за спиной Артёма пошло рябью — как над горячим асфальтом, только быстрее, глубже. А потом из этой ряби вышло что-то.

Нечто.

Фигура. Высокая. Выше Визера. Размытая по краям, как будто её рисовали дрожащей рукой. Пропорции — человеческие, но не совсем. Плечи слишком широкие. Руки слишком длинные. Контуры плыли, менялись, не задерживаясь ни на секунду. Цвета не было — только серый, стальной, с проблесками чего-то тёмного внутри. Как грозовое небо перед грозой.

Хранитель.

Он встал за спиной Артёма — молча, неподвижно. Не нападал. Просто был. Присутствовал. Давил своим существованием.

Визер замер. Рука застыла в воздухе. Сиреневые зрачки расширились до предела. Жужжание в груди прекратилось — резко, как обрезанная струна.

— Что это? — спросил он тихо.

— Я не знаю, — сказал Артём. Голос дрогнул. — Оно само. Я не звал его.

Квин отступил на шаг. Шлем снова съехал набок, но он не поправлял. Он смотрел на фигуру за спиной Артёма.

— У него есть Хранитель, — сказал он. — Но он... странный. Я таких не видел.

Хранитель Артёма висел в воздухе, перетекая формами. Ни лица, ни чётких линий. Только силуэт. Только присутствие. Тяжёлое, давящее. Он не шевелился, но от него исходила сила — неопределённая, нестабильная, как зыбкий песок.

Визер медленно опустил руку. Антенны дрогнули. Он смотрел на хранителя. Хранитель не смотрел в ответ — у него не было глаз. Но присутствие ощущалось кожей.

— Он нестабильный, — сказал Визер. — Я таких не видел. Никогда. Хранители не выглядят так. Они чёткие. Они определённые. А этот... он как дым. Как туман. Он не знает, кем быть.

— Я тоже, — сказал Артём. — Я вообще его в первый раз вижу.

Пауза. Долгая. Визер смотрел на хранителя. Хранитель не двигался. Рябь за его спиной медленно успокаивалась, но фигура оставалась.

Визер выдохнул. Жужжание вернулось — тихое, ровное.

— Ладно, — сказал он. — Убери его.

— Я не знаю как, — сказал Артём. — Он сам появился.

— Просто... расслабься, — сказал Визер. — Или что. Он твой. Должен слушаться. Попробуй.

Артём попытался. Честно. Закрыв глаза. Сделал глубокий вдох. Представил, что ничего нет. Что он просто стоит на тротуаре. Что за спиной пустота.

Рябь за спиной погасла. Хранитель исчез. Медленно, неохотно — как туман, который не хотят разгонять.

Артём открыл глаза. Визер стоял напротив — уже без агрессии. Скорее с интересом. Смесь удивления и любопытства.

— Ты реально не знаешь, что это, — сказал он.

— Я же говорил, — сказал Артём. — Я в первый раз его вижу. В моём мире нет хранителей. Вообще. Я даже не знал, что такие вещи существуют.

— В твоём мире нет хранителей? — переспросил Квин. — Совсем?

— Совсем. У нас есть только люди. И технологии. И очереди за картошкой.

— А как вы защищаетесь? — спросил Квин.

— Мы не защищаемся, — сказал Артём. — Мы просто живём.

Визер поправил пальто. Антенны дёрнулись. Он смотрел на Артёма. Долго. Взвешивал.

— У меня кодекс, — сказал он наконец. — Я не нападаю на тех, кто слабее. А ты... ты вообще не понимаешь, что происходит. Это даже не слабость. Это другое. Ты как ребёнок, который потерялся в магазине.

— Спасибо, — сказал Артём. — Наверное.

— Не за что. Просто стой спокойно и не дёргайся больше. Я не хочу, чтобы ты снова призывал эту штуку.

Квин выдохнул и поправил шлем. Он подошёл к Артёму и тронул его за рукав.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально, — сказал Артём. — Немного трясёт.

— Это пройдёт. У меня тоже трясёт, когда я первый раз летал с хранильницей.

— Ты летал? — спросил Артём.

— Да. Я умею летать. Но об этом потом.

Визер что-то проворчал про себя. Потом достал из кармана пальто маленький голографический квадрат. Нажал. Квадрат пискнул и погас.

— Я Табсана позвал, — сказал он. — Пусть тоже посмотрит.

— Зачем? — спросил Артём.

— Чем больше мнений, тем лучше, — сказал Визер. — Табсан, конечно, душила, но в людях разбирается. Иногда.

— Он в людях не разбирается, — сказал Квин. — Он просто со всеми спорит.

— Вот именно, — сказал Визер. — Если ты ему не понравишься — значит, ты нормальный. Если понравиться — значит, он что-то упустил.

Артём не нашёлся, что ответить.

Табсан пришёл через пять минут.

Из-за угла показалась фигура. Широкая. Тяжёлая. Кабан-гуманоид. Рост — около ста восьмидесяти, но казался больше за счёт сложения. Морда вытянута вперёд, как у кабана. Бивни — сантиметров десять, тупые, желтоватые, как старая кость. Уши висели по бокам и немного вниз. Кожа нежно-розовая, покрыта царапинами, ссадинами и шрамами — результат долгих тренировок. Вместо ступней — копыта. Руки — массивные, с четырьмя пальцами, больше похожими на кисть человека. Одет в чёрные брюки, серую рубашку и растрёпанный, слегка чёрный плащ. Плащ развевался, хотя ветра не было.

Он подошёл, остановился. Посмотрел на Артёма сверху вниз. Маленькие глаза оценивали. Артём почувствовал себя котёнком на аукционе.

— Это он? — спросил Табсан.

— Да, — сказал Визер. — Тот самый. С неба.

Табсан обошёл Артёма по кругу. Медленнее, чем Визер. Наступил на трещину в асфальте — та мигнула синим и погасла. Табсан посмотрел на неё, потом на Артёма.

— Выглядит обычно, — сказал он. — Ничего особенного.

— Он с неба упал, — сказал Квин.

— С неба, — повторил Табсан. — И что, теперь каждому, кто с неба упал, надо устраивать совет? У нас и так много дел.

— У него хранитель странный, — сказал Визер. — Нестабильный. Я таких не видел.

— Покажи, — сказал Табсан.

— Я не умею, — сказал Артём. — Он сам появляется. Когда я пугаюсь.

Табсан хмыкнул. Звук был похож на короткое замыкание.

— Не умеет. Отлично. Пустой, который не пустой. С неба. С хранителем, которого не умеет призывать. Нормально. Очень нормально.

— Я сам в шоке, — сказал Артём. — Честно.

— Ладно, — сказал Табсан. — Давайте по порядку. Меня зовут Табсан. Это, — он кивнул на Визера, — Визер. Это Квин. Ты кто?

— Артём.

— Откуда?

— Из другого мира. Там нет голограмм. И кабаны не разговаривают.

Табсан прищурился. Бивни блеснули на солнце.

— Я гуманоид, — сказал он. — Кабан — это животное. Я — личность. Запомни.

— Понял. Извините.

— Проехали. Дальше. Что ты умеешь?

— Ничего, — сказал Артём. — Совсем ничего. Я обычный человек. Я учился, работал, ходил в магазины. У меня нет навыков, которые могут быть полезны.

— Совсем?

— У меня брелок-утка, — сказал Артём и показал на сумку.

Табсан перевёл взгляд на Визера.

— Он реально с уткой, — сказал он.

— Я знаю, — сказал Визер. — Я уже проходил этот этап. У него утка. И точка.

Табсан вздохнул. Тяжело, как старый двигатель.

— Ладно, — сказал он. — Давайте по кругу. Каждый расскажет, кто он и что умеет. Потом решим, что с ним делать. Я начну.

Он выпрямился. Плащ развеялся в стороны, открывая серую рубашку.

— Я Табсан. Мой хранитель — Fly Attack. Рой мух. Они могут принимать любую форму. Атаковать, защищать, летать. Я могу подниматься на них в воздух, но с трудом — я тяжёлый. Мухи имеют хорошую прочность, не разлетаются от ветра. В человеко-подобной форме могут бить. Всё.

Он показал рукой. В воздухе зажужжало. Из ниоткуда появились мухи. Сначала несколько. Потом десятки. Потом сотни. Они кружили вокруг Табсана, собираясь в тугой рой. Потом рой сжался, сформировал фигуру — грубую, без деталей, но узнаваемую. Фигура сделала шаг вперёд, асфальт под ней дрогнул.

— Они сильные, — сказал Табсан. — По отдельности — просто мухи. Но вместе...

Фигура рассыпалась. Мухи исчезли. Тишина.

— Я Квин, — сказал Квин. — Я живу здесь. У меня есть хранитель — Rises The Moon. Она помогает мне летать. Ещё я боюсь больших вещей. Зданий. Неба. Хранителей. Это мега-лофобия. Я поэтому смотрю под ноги и ношу шлем.

— А шлем? — спросил Артём.

— Чтобы не видеть небо. Когда смотришь вверх, оно большое. А шлем ограничивает обзор. И чёлка — чтобы не видеть здания.

— А как ты видишь?

— Привык, — сказал Квин. — Я смотрю под ноги. И по сторонам. Внизу всё маленькое. Тротуар. Камешки. Носки. Это безопасно.

Он закрыл глаза. За его спиной появилась она — Rises The Moon.

Маленькая. Метр ростом. Лицо серебряное, круглое, один глаз закрыт, вместо второго — узорчатый чёрный круг, похожий на луну. От головы идут латунные шипы, образующие форму шестиконечной звезды без нижнего луча. Белая рубашка-воротник до подбородка. Грудь частично открыта, но ниже — красный табард, сужающийся к ступням. Широкие белые шорты. Красные перчатки. Белые гольфы. И огромные латунные крылья за спиной. На поясе — большой красный бант.

— Она красивая, — сказал Артём.

— Да, — сказал Квин. — Она мне нравится. Она как я, только маленькая.

Rises The Moon обхватила Квина ногами за живот, руками за плечи. Крылья распахнулись — широкие, блестящие, как у огромной стрекозы.

— Я могу летать, — сказал Квин. — Она меня несёт. Максимум — сорок километров в час. Если долго разгоняться — пятьдесят. И когда я лечу, я становлюсь полупрозрачным. Могу проходить сквозь стены. Сквозь людей. Если пролететь сквозь человека, он дезориентируется.

— Это полезно, — сказал Артём.

— Да, — сказал Квин. — Но есть минус. Я боюсь высоты. И больших объектов. Поэтому летаю низко. И быстро. И стараюсь не смотреть вниз.

Крылья сложились. Rises The Moon исчезла. Квин сел обратно на тротуар.

— Я Визер, — сказал Визер. — Мой хранитель — Jester: Modern Love. Карты. Могу заключать объекты, менять их свойства, откатывать состояние. И да, я пчела. Это уже обсуждали.

Он вытянул руку. Воздух перед ним пошёл рябью. Из ряби вышел Jester: Modern Love.

Высокий. Накачанный. Обнажённый торс. Маска — половина чёрная (радость), половина белая (трагедия). Шапка шута с тремя ушами — чёрное, белое, и снова чёрное с другой стороны. На шее, запястьях и лодыжках — белые клоунские жабо. На груди, плечах, коленях и тыльных сторонах ладоней — объёмные сердца. На талии — пояс с розами. Руки и ноги — узорчатые, ромбовидные. Ботинки шута.

— Он... необычный, — сказал Артём.

— Он эффектный, — поправил Визер. — Это другое.

Jester вытянул руку. В пальцах появилась карта — светящаяся, с золотым ободком. Визер взял её, покрутил.

— Карты могут заключать объекты, — сказал он. — Принимать их свойства. Застывать в воздухе. И откатывать состояние.

Он кинул карту в стену. Карта застыла в полёте, не долетев пары сантиметров. Потом медленно развернулась и вернулась обратно.

— Откат, — пояснил Визер. — Можно привязать объект и вернуть его в предыдущее состояние. Полезно, если что-то сломалось. Или если сломал кого-то.

— Или если сломал кого-то, — добавил Табсан.

— Или так.

Jester исчез. Визер поправил пальто.

— Теперь ты, — сказал он Артёму.

Артём встал. Все смотрели на него. Он чувствовал себя актёром, который вышел на сцену и забыл текст.

— Я не знаю как, — сказал он.

— Просто позови, — сказал Визер. — Мысленно. Он твой. Должен отозваться. Попробуй.

Артём закрыл глаза. Попытался. Что он чувствовал тогда, на тротуаре? Страх. Растерянность. Желание защититься. Панику. Он попытался воспроизвести эти чувства.

Рябь за спиной. Тяжёлое присутствие.

Хранитель появился. Такой же — размытый, серый, с проблесками тёмного внутри. Контуры плыли, менялись. Форма не задерживалась ни на секунду. Он был как дым, который пытается стать человеком.

— Он нестабильный, — сказал Табсан.

— Я вижу, — сказал Визер. — Но он есть. Это главное.

— Что он умеет? — спросил Квин.

Артём посмотрел на хранителя. Хранитель не отвечал. Просто висел. Давил. Ждал.

— Я не знаю, — сказал Артём. — Он появился только что. Когда Визер меня схватил.

— Я не схватил. Я потянулся.

— Это было похоже на схватывание.

— Ладно. Допустим. Но он сработал на угрозу, — сказал Визер. — Значит, защитный тип.

— Или на эмоции, — добавил Квин. — Ты испугался.

— Я не испугался, — сказал Артём.

— Ты дёрнулся.

— Это рефлекс.

— Вот хранитель и срефлексировал, — сказал Квин.

Артём снова закрыл глаза. Попытался убрать хранителя. Представил, что ничего нет. Хранитель исчез — медленно, неохотно, как туман.

— Ладно, — сказал Визер. — Будем тренировать. Завтра.

— Завтра? — переспросил Артём.

— Да. Мы встретимся с Вовой. Но сначала — тренировка. Ты должен научиться управлять этой штукой.

— А кто такой Вова? — спросил Артём.

— Сын хозяйки закуской. Мы встретили его вчера, — сказал Квин. — Он хороший. Тихий. Немного рассеянный. У него есть наушники.

— Я ничего не помню, — сказал Артём. — Я только сейчас пришёл в себя.

— Тогда познакомимся заново, — сказал Визер. — Пошли есть. Я голодный.

— Ты всегда голодный, — сказал Табсан.

— Не всегда. Только когда нервничаю.

— А ты нервничаешь?

— С неба люди падают, — сказал Визер. — Конечно, нервничаю.

Квин улыбнулся. Он подошёл к Артёму и тронул его за рукав.

— Идём, — сказал он. — Тут рядом фастфуд. Вкусный. Там есть картошка.

— Картошка? — переспросил Артём.

— Да. Жареная. С солью. Прямо как ты любишь.

— Откуда ты знаешь, что я люблю?

— Ты сказал, что стоял в очереди за ней, — сказал Квин. — Когда упал с неба.

Артём смотрел на него. На розовые волосы. На дурацкий шлем. На серьёзное лицо под чёлкой. И понял, что улыбается. Впервые за этот день.

— Ладно, — сказал он. — Картошка так картошка.

Закусочная была за углом. Вывеска — тёплая, жёлтая, в форме картошки фри. Внутри пахло маслом, солью и чем-то сладким. Почти как там, дома. Артём вдохнул и чуть не растрогался.

Заняли столик у окна. Визер заказал много. Очень много. Четыре бургера, три порции картошки, два напитка, пирожок и что-то ещё, чего Артём не разобрал.

— Ты точно голодный, — сказал Табсан.

— Я же говорил, — сказал Визер.

Квин взял салат и чай. Табсан — два бургера. Артём — картошку. Просто картошку. В бумажном пакете. Горячую, с солью.

— Ты только картошку? — спросил Квин.

— Я за ней и стоял. В очереди. Когда всё случилось.

— Тогда ты её заслужил, — сказал Квин.

Номер заказа высветился на голографическом табло. Квин встал, подошёл к стойке. Протянул руку к подносу.

И взял чужой.

— Эй, — сказал кто-то рядом. — Это моё.

Квин обернулся. Рядом стоял парень. Растрёпанные каштановые волосы. Зелёные глаза. Одет во всё тёмное — футболка, штаны, кроссовки. На голове — наушники. Выглядел неприметно. Обычно. Но что-то в нём было... не совсем обычное. Прядь волос блеснула на свету. Обычная. Каштановая.

— Ой, — сказал Квин. — Извините. Я перепутал.

— Ничего, — сказал парень. — Я самечно путаю. Я Вова.

— Квин. А это мои друзья. Визер, Табсан, Артём.

Вова посмотрел на столик. На пчелу. На кабана. На парня в болотной кофте.

— У вас разнообразная компания, — сказал он.

— Есть такое, — сказал Квин. — Хочешь с нами?

Вова замялся.

— Я вообще-то один. Но если не помешаю...

— Не помешаешь, — сказал Квин. — У нас еды много.

Вова взял свой поднос и подсел. Визер оценивающе посмотрел на него. Табсан — тоже.

— Ты местный? — спросил Визер.

— Да. Тут живу. Недалеко. Мама держит закусочную на углу.

— Это не та, где пекарня?

— Нет, другая. С бургерами.

— Ясно.

Посидели молча. Ели. Визер методично уничтожал бургеры. Табсан жевал, глядя в окно. Квин макал картошку в чай — Артём сделал вид, что не заметил. Вова сидел тихо, иногда поправлял наушники.

— Слушай, — сказал вдруг Вова, глядя в окно. — Там туман.

Все обернулись.

За окном действительно был туман. Лёгкий. Едва заметный. Он стелился по земле, хотя погода была ясная. Солнце светило. Голограммы плыли. А туман был.

— Странно, — сказал Табсан. — Дождя не обещали.

— И тумана не обещали, — добавил Визер.

Туман висел низко, не поднимаясь выше колена. Медленно перетекал через бордюры. Артём смотрел на него и чувствовал смутное беспокойство.

— У нас тоже туман был, — сказал он. — Когда я падал.

Визер переглянулся с Табсаном.

— Ладно, — сказал Визер. — Потом разберёмся. Сначала еда.

Вова улыбнулся.

— У вас правильные приоритеты.

— У меня обмен веществ, — сказал Визер.

— У него всегда так, — добавил Квин.

Поели. Поговорили о мелочах. Вова оказался тихим, немного рассеянным. Рассказал, что живёт с мамой, что любит музыку, что однажды какая-то гадалка на улице сказала ему странную вещь.

— Она сказала, что я не один в своём теле, — сказал Вова, помешивая чай. — Что есть другие. И что беда будет, если узнаю.

— И что? — спросил Квин.

— Ничего. Я ничего не заметил. Думаю, она просто странная. Шарлатанка.

— А голос был странный? — спросил Артём.

— Голос? — Вова задумался. — Вообще-то да. Он шёл как будто изнутри. Не снаружи. Я ещё подумал — фокус какой-то.

Визер и Табсан переглянулись снова. Артём заметил.

— Но ты ничего не чувствуешь? — спросил Визер осторожно. — Ничего необычного? Никаких голосов? Никаких странных желаний?

— Нет. Всё обычно. Я просто рассеянный иногда. Вещи забываю. Заказы путаю.

— Как сейчас? — улыбнулся Квин.

— Как сейчас, — кивнул Вова. — Но это не страшно. Вы же не злитесь?

— Нет, — сказал Квин. — У нас еды много.

Посидели ещё. Договорились встретиться завтра. Вова пошёл своей дорогой — сказал, мама ждёт. Троица плюс Артём остались.

— Он странный, — сказал Табсан, глядя вслед Вове.

— Он нормальный, — сказал Квин. — Просто потерянный.

— Я не про это. Про гадалку.

— Думаешь, это что-то значит? — спросил Артём.

Визер пожал плечами.

— В этом мире всё что-то значит. Но это не наше дело. По крайней мере пока.

Туман за окном рассеялся. Артём этого даже не заметил.

— Ладно, — сказал Визер, вставая. — Мы живём рядом. Устроим ночёвку. Артёму надо где-то спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.